

Т. А. Булыгина

Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны

Социальная история военного времени представляет собой наименее изученные страницы в истории Великой Отечественной войны. Речь идет, в частности, о повседневности советских людей на фронте и в тылу, их быте, их психических реакциях и социальном портрете в экстремальной ситуации войны. Как и всякая малоизученная гуманитарная проблема, освоение данного исследовательского пространства начинается с нового осмысления ее источников, с пересмотра устоявшихся стереотипов. В истории повседневности Великой Отечественной войны такими источниками являются, прежде всего, мемуары, дневники и письма.

В данной статье мы ограничимся анализом эпистолярных документов периода Великой Отечественной войны, хранящихся в Государственном архиве Ставропольского края (далее – ГАСК). Специфика использования фронтовых писем в отечественной историографии отражена в ряде центральных и местных публикаций [1]. Главный их мотив – подвиг советских героев, заключенный в рамки идеологии, что отмечают сами составители. Так, авторы предисловия книги «Говорят погибшие герои» считают, что письма фронтовиков свидетельствуют о мире подвига как о мире коллективного восприятия коммунизма, который рождает революционный подвиг. Для исследователей предлагается использование фронтовых писем в качестве доказательства единства чаяний советских людей и политики власти, верности героев идеалам социализма и коммунизма.

В результате сужения исторического пространства до границ, определенных идеологией, эпистолярный источник оказался невостребованным для изучения психологии человека на войне, фронтового быта, специфики человеческих отношений, мировосприятия людей военных лет. Только в начале 90-х годов XX века в исследованиях историков появляется проблематика исторической антропологии и истории повседневности [2].

Можно согласиться с В. В. Кабановым, что письма являются ценнейшим и уникальным историческим источником [3]. При этом надо выделить частную переписку, которая, как правило, в архивах формировалась в фондах известных людей. Приватная, чаще семейная переписка «маленького» чело-

века либо оставалась в семье, либо уничтожалась. Исключение составляют фронтовые письма, которые десятилетиями бережно хранились родными и близкими. В 60-е–70-е годы, когда история Великой Отечественной войны стала важным атрибутом официальной политики, архивисты скрупулезно собирали письма с фронта и формировали интересные коллекции, часть из которых даже публиковалась. К сожалению, археографическая сторона многих из этих публикаций не соответствовала научному уровню, как это было со ставропольским сборником, где извлечения из писем давались без указания сведений о местонахождении документов.

Между тем, в различных фондах ГАСК хранится достаточно большой массив фронтовых писем частного характера. Это и коллекция документов о Героях Советского Союза по Ставропольскому краю (Ф. Р – 1764), и архив редакции газеты «Ставропольская правда» (Ф. Р – 5315). Имеется и самостоятельный фонд Р – 1060 «Коллекция документов по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», где находится до десятка дел с письмами с фронта. Несомненно, что подвижническая работа по сбору писем фронтовиков не должна приостанавливаться, ибо эпистолярный жанр сегодня вырождается, а хранители писем прошлого стремительно уходят от нас. Значительные собрания писем с фронта имеются в местных музеях, до которых у исследователей, что называется, «не доходят руки». Новый подход к истории Великой Отечественной войны с позиций внутреннего мира и образа жизни ее участников актуализируют письма фронтовиков как исторический источник.

Ценность писем фронтовиков как источников для понимания человека на войне, для воссоздания более полной истории Великой Отечественной войны можно показать на примере коллекции ГАСК. Оговоримся, что фронтовые письма как источник нуждаются в специфических формах анализа. Так, внешняя критика предполагает, прежде всего, выяснение способов передачи письма адресату. Основная масса – солдатские «треугольники», посланные полевой почтой. Они проходили военную цензуру, поэтому военная информация или исключалась, или была завуалирована. Например, в письме отцу в Новоалександровское в мае 1942 г. И. Ф. Дровалев, описывая свою службу, намекает на события, в которых он принимает участие как конник Доватора: «Новости, которые писать не стоит, Вы сами знаете» [4]. Та же сдержанность боевой информации прослеживается и в письме Игоря Дровалева из-под Москвы в декабре 1941 г. родителям в Микоян-Шахар (ныне – Карачаевск): «Немцы отходят в западном направлении... Подробно писать не могу» [5]. Для того, чтобы обозначить место своего пребывания, авторы фронтовых писем прибегали к аллегориям. Е. Рождественский в марте 1944 г. намекает родным на свое месторасположение строчкой из популярной военной песни «Давай закурим»: «Знаете песенку «Славную Каховку, город Николаев где-нибудь, когда-нибудь мы будем вспоминать» [6].

В ряде писем после освобождения Кавказа есть более конкретные географические сведения о военных операциях, в которых участвовал адре-

сант. Так, в письме Н. И. Омельченко родным в Отрадненский район Краснодарского края в октябре 1943 г. говорится о торжестве по поводу освобождения Тамани. В письмах В. Петросова из Пятигорска в феврале–апреле 1943 г. прямо указывается, что часть, где он воюет, гнала немцев от Моздока, что сам он ранен в бою за с. Высоцкое и направляется с группой бойцов в Куцевку [7].

С одной стороны, официальный контроль писем требовал от авторов соблюдения определенной идеологической формы: проклятья в адрес врага, уверенность в победе. Вместе с тем, подобные эпистолярные фигуры были не только идеологическим стереотипом, но и отражали искренние чувства воинов. Поэтому отделить ритуальные фразы от реальных эмоций практически невозможно.

Часто встречающиеся в солдатской почте открытки представляли сюжет с советским самолетом и вооруженным пехотинцем, который сопровождался словами Сталина: «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти». Это была символика партийно-государственной власти. А вот цитаты из текстов этих солдатских открыток и писем: «бьем врага», «я буду бить проклятых немцев за поругание и грабеж... до последней капли буду драться», «буду бить врага и отомщу за свое разруханное село», «ну ничего, мы расквитаемся с проклятыми за все» и т. д. Эти слова – народная символика, только стилистически отличная от официальной риторики. Таким образом, уже определение атрибутов большинства писем свидетельствует о редком единении целей власти и чаяний советских людей в годы войны.

Письма, переданные с оказией, более откровенны, но содержат небольшой слой информации, ибо написаны впопыхах и, как правило, по определенному поводу: передача денег или вещей, сообщение о ранении или смерти товарища. Однако такие записки, помимо свидетельств о быте войны, являются пронзительными человеческими документами.

Вот последняя весточка отцу 17 июля 1944 г. от Льва Филипповича Мухачева, воевавшего с 1941 г. Образованный молодой человек, склонный к самоанализу, с чувством юмора, обычно писал хорошим стилем большие письма, несколько пафосные. А тут – бумага в крови, написано коряво, строчки покосились: «Ранен 1 июля 1944 г. под Вильной. Здоровье хорошее. Лежу в госпитале» [8]. За этим немногословным посланием – спрессованный образ трагического события. Характер посланной записки, ее торопливость свидетельствуют о горячке недавнего боя. Мы чувствуем боль покоренного тела, скрытую за рыжеватыми пятнами крови, которые не смогло смыть время. Почти физически ощущаешь мучения автора письма на пути в госпиталь, ведь с момента ранения прошло 17 дней, а пролежал он в госпитале до своей смерти по свидетельству врача всего 8 дней. В записке сквозит надежда выжить и желание успокоить родных, что видно из отписки о «хорошем» здоровье, тогда как в своем сообщении родителям погибшего лечащий врач пишет, что раненый «прибыл в очень тяжелом состоянии» [9].

Датировка писем в фондах ГАСК, отправленных с фронта в Ставропольский край, четко прочерчивает грань: до оккупации и после оккупации.

О событиях, связанных с эвакуацией и оккупацией, в посланиях фронтовиков сказано очень скупо. В основном это расспросы о степени разрушений и сочувствие родным в их страданиях. Например, в письме А. С. Алексеева семье, датированном 10 февраля 1943 г., т. е. сразу после освобождения Ставрополя от фашистов, звучит тревога о родных: «Я не знаю, живы ли вы или нет... 7 месяцев ничего друг о друге не слышали». Только дата письма, да оговорка про семь месяцев позволяют понять, что речь идет о периоде оккупации [10]. Наиболее откровенно о трагедии оккупации пишет В. Болотин из Казьминского, который только в апреле 1943 г. дождался вестей из родного села после оккупации: «Много причинил ущерба немецкий фашизм, но ничего не поделаешь, война есть война» [11]. В письме Е. Рождественского близким в с. Солдато-Александровское звучат вопросы о восстановлении края после хозяйничанья в нем врага: «ходит ли электричка Минеральные Воды – Кисловодск, восстановлен ли сильно разрушенный Георгиевск» [12].

Фронтовые письма – бесценное свидетельство «живой» социальной истории. На фронт уходили молодые парни и девушки из разных социальных слоев, и воздействие войны на них было разным. По письмам фронтовиков можно проследить эволюцию и становление личности. Изучение фактологической информации писем и одновременно лингвистический анализ в сочетании с их внешней атрибутикой позволяют приблизиться к воссозданию живого образа защитника Отечества, а тем самым, понять глубинные истоки Великой Победы.

Продемонстрируем сказанное на конкретных примерах. Вот уже упомянутый Лев Мухачев, прошедший почти всю войну капитан, погибший на подступах к Западной Европе, его письма передала в архив мать. Парень из «номенклатурной» семьи, чей отец был начальником политотдела МТС, из чекистов, о чем свидетельствуют слова из письма Льва матери 3 марта 1943 г.: «В семье чекиста все должны быть, как металл...» [13]

Семья жила в достатке. Даже в 1942 г., хлебнув военного лиха, он пишет родителям с Вяземского направления о том, что их материальное положение остается хорошим: «Живете хорошо. Цена на молоко дешевка» [14]. Судя по социальному положению, по грамматике письма и множеству стихов в письмах 1942 г., молодой человек получил неплохое образование. В одной из первых открыток, хранящихся в ГАСК, имеется приписка Л. Ф. Мухачева: «Ненавидеть – значит победить», а в следующем письме отцу он посылает стихи: «Счет растет! И сквозь дымные дали сыновей окликает страна, чтоб огнем и железом вписали в книгу мести свои имена!» [15]

Стиль писем свидетельствует, с одной стороны, о мощном идеологическом воспитании, а с другой, выдает в авторе человека размышляющего. Преданность идеям социализма прослеживается, прежде всего, в стихах по поводу 7 ноября или 1 мая. Имеются идеологемы и в тексте посланий. В письме в конце апреля 1943 г. он писал: «Мы, воспитанники социализма, должны грудью отстаивать то государство, которое нас выкормило» [16]. Однако чаще эти ноты звучат в начальный период его пребывания на фронте. Что не меняется на протяжении всей переписки, так это любовь к Родине

и ненависть к врагу. Только стиль писем становится менее пафосным и более жизненным. Вот строки первой открытки: «В жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к Родине», а через месяц без излишней торжественности мы читаем его глубокие размышления: «Победить врага – это еще не все. Надо еще восстановить все то разрушенное, построить, поэтому для этих дней нужны крепкие руки, ноги, сила и здравый смысл» [17].

В дальнейшем все чаще встречается сухая констатация: участие в боях, награды, ранения. Мы выясняем, что в 1942 г. он аттестован командиром минометного взвода мотострелковой бригады танкового корпуса, ранен в ногу во время прорыва под Ржевом, ранен в кисть руки в боях за Беларусь, награжден медалью «За отвагу». Под Витебском в январе 1944 г. в третий раз был ранен в руку и спину. Оказавшись после ранения в кавалерийском корпусе им. Пархоменко, на своем коне проехал 500 км. Постоянно встречаются фразы: «только вышли из боя», «с боями шли по 25–30 км в сутки», «прорыв на <...> направлении». Как-то совсем не героически звучит описание побед: «Проклятая немчура бежит и кое-когда да огрызается. Но зубы им ломаем немилосердно» [18]. Столь же обыденно и от этого особенно драматично рассказывается о жестокости боев: «И только лишь вчера после отлично проведенной операции наш танковый корпус вышел из боя на длительный отдых... Людей много погибло, в том числе и моих товарищей» [19].

Судя по некоторым намекам, это юноша из «золотой» молодежи районного масштаба, немного гуляка, немного волокита с долей молодой самоуверенности. После года пребывания в армии он пишет: «Я стал немного умнее и глупостями заниматься некогда. Я намекаю на своехождение и проделки» [20]. В то же время это человек, склонный к самоанализу и иронии, что помогало ему трезво смотреть на мир. Он тоскует по дому, устал от войны: «Да уже четвертый май встречаю в армии. Скука, скука, мучительно терзала неизвестность о вас...», но выполняет свой воинский долг до конца и высоко ценит воинскую доблесть других: «У меня будет просьба – первого попавшегося военного 7 ноября 1943 г. угостите вином и скажите: так велел сын, сражающийся с фашистами» [21].

Это любящий сын, который со свойственной ему усмешкой подбадривает своих «стариков»: «Хорошее все впереди» [22]. Он с нежностью смотрит «на милый русский «курносый образ» моей мамаш»; гордится тем, что она передала в помощь фронту тысячу рублей; идя в бой в Белоруссии, как закливание, восклицает: «Благословение матери меня спасет» [23]. Очень обижается невниманием отца и отбрасывает расхожее оправдание: «интересы общества вы, коммунисты, должны ставить выше своих личных. Но в данное время, когда героем дней становимся мы – армия, а я – ее первый член – фронтовик, то поэтому нужно не забывать и сына – истребителя врага» [24].

На наших глазах из юнца формируется зрелый офицер, в письмах которого все меньше показной бравады и внешнего идеологического антуража, все больше тревоги о родных, тоски по дому, понимания жестокости войны и скрытого взрослого мужества и достоинства, глубокой убежденности в побе-

де. Огромная духовная работа под воздействием войны прослеживается от первых строчек в июле 1942 г.: «Здоров, бодр и энергичен... Скоро увидимся, дайте закончить великую миссию» [25], в которых неизвестно, чего больше: самоуверенности, иронии или искреннего чувства, до последней записки, пронзающей сердце своей будничностью, верой и тревогой о друзьях и родных. Поэтому-то особенно трагичен финал этой замечательной в своей военной повседневности личности. Начинаешь понимать, *каких людей* губила война.

Наличие массива писем позволяет использовать при изучении этих источников контент-анализ. В частности, такой метод представляется продуктивным при выявлении некоторых типичных для психологии фронтовиков черт, а также специфических особенностей отдельных воинов, связанных с социальным происхождением и местом проживания, образованием, индивидуальной психикой. На фронт приходили люди с разной культурой, разным восприятием действительности, разного возраста.

Это, к примеру, наглядно демонстрирует стиль обращения к близким. Образцом городской культуры было фамильярное «старики», «мамаша», «мать» или сдержанное «мама», «папа». Селяне в письмах к родителям обращались на «Вы», а семейные использовали массу традиционных приговорок: «от чистого сердца и большой скуки», «жду ответа, как соловей лета», передавали многочисленные приветы всем родным и землякам поименно, тогда как в письмах горожан приветы предназначены только немногим конкретным родным и знакомым. Горожане в обращении к жене, детям, братьям и сестрам ограничивались ласкательным именем, а деревенские жители обязательно указывали степень родства и часто называли жен полным именем или даже по имени и отчеству.

Однако все без исключения солдаты очень скучали по родным, по дому, поэтому для них, наряду с принятыми в их среде патриархальными или шутивными обращениями, типичными были продиктованные искренним чувством любви и нежности слова: «дорогая мамочка», «милые мои родные», «прекрасная наша мамочка», «дорогие детки», «милая Даша». По мере того, как шли годы войны, под воздействием иной реальности складывались иные стереотипы, новые символы. Письма фронтовиков, как правило, начинались с приветов с фронта, иногда с указанием места (из Пруссии, из Беларуси, с Одера и т. п.), с гвардейских, красноармейских приветов. Иногда привет посылали из госпиталя, из окопа, «из траншеи переднего края». Крайне редко, но в обращениях встречается и советская символика: «с коммунистическим приветом», «чехистский привет».

Обращает на себя внимание фатализм всех тех, кто был на фронте. Это психологическое состояние наряду с любовью к своей земле, родным, наряду с патриотизмом и ненавистью к врагу, мечтой о мирном времени, объединяло всех фронтовиков. Абсолютно во всех письмах сообщение о том, что жив, сопровождается указанием на временность этого состояния и на вероятность иного исхода. Мы везде встречаем: «пока жив» или «жив и здоров, но только не совсем», «до настоящего времени жив», «живы будем, увидимся»,

«если останусь жить». Так, Игорь Дровалев пишет родным в Микоян-Шахар из-под Москвы 11 декабря 1941 г., т. е. в разгар контрнаступления: «Мама, не волнуйся, пока ничего не случилось, но может быть все, ведь война» [26]. В письме о смерти друга С. Т. Магденко восклицает: «но что ж, ничего не поделаешь, этого самого мы сами ждем каждую минуту» [27]. Чувство зыбкости солдатского бытия пронизывает все письма: «поедешь выполнять боевую задачу, думаешь надвое: приедешь или останешься там» [28]. К концу войны в этом настроении предопределенности судьбы усиливается чувство жизни: «лишь бы живым остаться», «эх, выжить бы», «жить-то как хочется». Девушка-фронтвичка пишет матери: «Хочется пожить мирной жизнью, в комнате, дома. Поговорить и вообще пожить гражданской жизнью» [29].

Надо отметить, что на фронте чувства обострились, нервная система переживала небывалые нагрузки. Это чувствуется в каждом, даже самом спокойном письме. В апреле 1943 г. фронтвик в письме к брату так рассказывает о влиянии тягот войны на его личность: «Был в переплетах, жизнь на волоске была, а теперь я прошел Крым и рым и медные трубы. Жив буду, есть что рассказать о боевых приключениях с гитлеровскими бандитами». И в этом же письме замечает: «Какой я стал психический, себя не узнаю» [30]. Другой двадцатилетний парень пишет родителям, что «стал психический», что он рыжий, «а волосы на голове белые» [31]. Воздействие ужасов войны на человеческое сознание один из фронтвиков Т. И. Байдин выразил так: «Мы на своих глазах видели, что они проделывают, что можно умом рехнуться, при отступлении пожигают все дотла» [32].

Смерть близких, товарищей рождала чувство ненависти к оккупантам и желание отомстить за погибших. Это – распространённый мотив многих писем. Узнав о смерти своего брата «Владюшки», Е. Рождественский пишет, что это известие еще больше озлобило его против немцев: «...наворачивается злобная слеза мести и обиды за натворенное здесь изуверами». Позже он поясняет свою жестокость на территории Пруссии: «Поцелуйте фото Владюшки. Брат помнит о нем, потому он и жесток... кругом, где есть немцы, он сеет смерть» [33].

Война, постоянная опасность, разлука с домом формировали идеальный образ мирного прошлого, который отбрасывал свет на представления о еще более прекрасном будущем, которое наступит, если удастся остаться в живых. А. С. Алексеев пишет жене: «Только и думаешь, как я жил и любил тебя, но мало. Если останусь жить, то буду тебя ласкать как дитя» [34]. Вчерашний учитель О. Крандиевский на фронте вспоминает школу, и хотя «променял учительство на войну, но мне интересны дела в школе» [35]. Тоска по мирному дому слышится в словах В. Сухачева из Благодарненского района, когда он пишет матери из Европы: «Добьем этих гадов, вернемся и заживем по-старому» [36]. Точно высказали отношение фронтвиков к прошлой жизни два друга в послании директору свиновхоза «Коммунар» Молотовского района А. М. Гусеву: «в нашем разговоре никогда не забывается цветущая жизнь совхоза нашего» [37]. Молодая двадцатидвухлетняя девушка вспоминает в армии Новый, 1941, год, свой девятый класс: «Мы тогда мечтали окончить 10 классов, пойти учиться в институты...» [38]

Анализ такого источника как письма фронтовиков позволяет увидеть не только типическое в поведении и настроениях людей на войне, но понять многообразие характеров, их реакций на военную обстановку, ситуации казуса.

Молодых парням из села фронт давал возможность «сделать карьеру» в случае, если останутся живыми. Один из детей Д. Буняевой из Петровского района Григорий в конце войны обещает матери: «К тебе приеду только офицером-танкистом. Это самая почетная работа. Я решил всю свою жизнь посвятить службе своему Отечеству и своему русскому народу» [39]. Двадцатилетний Илья обещает отцу выполнить его наказ и пойти на курсы лейтенантов: «дослужусь, может, до капитана. Если голова на плечах, то и звание будет» [40].

По-разному воспринималась фронтовиками чужая сторона. Для фельдшера Лиды, которая находится в Ровно, «вовсе не кажется, что воздух, которым я дышу, чужой: как будто тот воздух к нам прилетел сюда вместе со мной» [41]. Иные впечатления у Е. Рождественского: «Невзрачный ландшафт, сопки в тумане, балки глубокие, крутые, ... чужое злое небо низко нависло и давит к земле. Оно тоже недовольно пришельцами с востока» [42].

Одних война, наряду с испытаниями и страданиями, приобщила к городской жизни, других – познакомила с народной жизнью. Если партийный работник Д. Чернецкий из Ворошиловска (ныне Ставрополь), которому пришлось воевать в казачьей Кубанской дивизии, в отличие от сельских жителей «на коне никогда не ездил, а теперь приходится» [43], то колхозник А. С. Алексеев впервые увидел большие дома и городской быт в Доме отдыха: чистые простыни, баня «хоть каждый день, сплю без рубашки, радио говорит» [44].

Для абсолютного большинства солдатских писем, независимо от социального статуса их авторов, характерно чувство любви к Родине, забота о родных, переживания по поводу смерти друзей и разрушений, причиненных врагом. Однако встречаются «выпадающие» из общего настроения записи. Несмотря на их нетипичность, они помогают увидеть войну во всех ее проявлениях и противоречиях. Капитана КГБ, посланного на Западную Украину после ее освобождения, волнуют не проблемы восстановления и наведения порядка в районе, а отсутствие развлечений: «Город развален основательно, развлечься негде». Для такого «воина» нет проблем войны, как для фронтовика. Он по роду службы не распространяется особо о собственной работе, лишь констатирует, что «украинско-немецкие националисты свою вражескую работу не прекращают, но кое-кто уже чувствует, что к ним прибыли восточные чекисты» [45]. Для него – враг не только воюющий фашист, но и все «западное», местное население.

Письма с фронта – важный источник по исторической антропологии войны, по истории фронтовой и тыловой повседневности. Быт пехотинца, кавалериста, танкиста, летчика, повседневною жизнью медсанбата, госпиталя, тылового училища или курсов предстает из посланий военных во всей своей неприукрашенной, тяжелой, но от этого еще более величественной первозданности. При этом письма не просто иллюстрируют яркими картинками быт войны. На их основе можно проследить эволюцию повседневности от начала войны до военных действий в Германии, понять ее особенности в зависимости от разных обстоятельств.

Это сведения о питании и одежде, т. е. так называемой иерархии потребления. Например, в одном из писем матери из госпиталя, «с тылу» А. Аненко жалуется: «Кормят очень плохо, так жить неохота. На фронте я был, так не голодовал, как здесь» [46]. В письме в Труновку И. М. Ефимову сын Иван описывает жестокие бои на Украине, героизм своих товарищей, разрушения, нанесенные фашистами. И вдруг рядом с пронзительными словами надежды: «Надо освободить свою землю, а потом жить дальше. Мы должны жить!», совсем мальчишеский, не героический эпизод: «Леньку Ч. сегодня утром видел, съели с ним хорошую дыню и арбуз» [47].

Совсем иная информация о питании и снабжении поступала в последний год войны из-за границы. Вот строки из письма Г. Буняева жене из Германии: «Нам разрешили послать посылки до 5 кг. Жди: там материя, брюки, рубашки, жилет, чулки шелковые, платочки. Питания хватает. Едим, что хотим: мясо, сало копченое, повидло, мед, печенье. Без меры, а по потребности» [48]. В письмах есть подробная информация о содержимом посылок, присланных из тыла. В голодных условиях войны дети и женщины собирали все самое лучшее своим защитникам. К примеру, в содержимое посылки из нашего края, «Ставропольский подарок», как назвал его в письме И. Дровалев, было 200 г сала, 100 г меда [49].

Надо заметить, что солдаты в своих письмах описывали не только войну, но и житейские подробности тех мест, где им приходилось бывать: в боевом походе, на учебе, в госпитале. Среди этих мелочей есть много данных о ценах на продукты, об их ассортименте. Таким образом, письма – ценный источник для описания иерархии потребления в СССР в годы Великой Отечественной войны.

Узнаем мы и о том, как любили солдаты Второй мировой войны. На фронте рождалась любовь, создавались семьи. Человек оставался человеком даже в нечеловеческих условиях. В письме сурового фронтовика, который «готов выполнить все приказы, отдать все силы для уничтожения гитлеровских оккупантов, убийцев, варваров», совершенно меняется интонация, когда он рассказывает о своей фронтовой подруге: «Живу я хорошо, с женой Танечкой все боевые пути прошел. Специальность у нее, как у меня. Хорошая жена! Когда возвращаешься домой, она умоет и накормит, и пожалеет. Это, знаешь, как воодушевляет, поднимает дух» [50].

С этими прекрасными образами любви и семьи соседствуют описания печального ритуала погребения своих товарищей, описание их героической смерти. В письме к жене погибшего друга С. Т. Магденко рассказывает, как попал снаряд в их группу в 8 человек и осталось в живых трое, как «разбило Петра здорово», как он сам его «положил в смертную яму», переживает, каким образом передать «гаман» погибшего друга, в котором фотокарточка жены и 13 [51].

Материалы писем помогают нам реконструировать картину мира фронтовиков, их взаимоотношения. Особый сюжет военной повседневности – феномен фронтовой дружбы. О своих друзьях пишут многие фронтовики, используя самые теплые слова. Много в письмах горечи о потере лучших това-

рищей. Наиболее ярко о дружбе боевых друзей написал в одном из своих писем в декабре 1944 г. Е. Рождественский: «О фронтовой дружбе – это родственность, никогда не забуду Кузьмы, он мне стал братом. Есть еще один брат Леонид, тоже друг без друга дышать не можем и готовы друг за друга в огонь и воду. Было нас трое. Стало двое» [52].

В письмах с фронта постоянно звучит озабоченность положением своих семей, судьбой своих городов и сел, своих хозяйств. За этой тревогой встают тяжелые будни тыла, его проблемы. В этом отношении наиболее полный материал представлен в ответах фронтовиков на письма сотрудницы Ессентукского горисполкома Подрыги [53], а также в группе писем, полученных после оккупации директором свиновхоза «Коммунар» Молотовского района Ставропольского края А. М. Гусевым. В этих письмах содержатся запросы фронтовиков о потерянных во время оккупации семьях, тревога об их материальном положении и благоустройстве, забота о родном хозяйстве. Типичной была просьба о помощи бедствующим родным. Т. В. Байдин просит написать о семье, «есть ли топливо, дают ли им хлеба или нет», а С. И. Сурма обращается с просьбой «оказать помощь семье в части обуви и одежды за деньги», т. к. в эвакуации жена и трое ребят остались «босые и голые» [54]. Старший лейтенант А. Н. Черкашин интересуется, кто остался в совхозе и чем занимается, П. Т. Анпилов просит коллектив хозяйства работать также ударно, как и до войны, а тракторист Н. П. Демидов пишет: «Очень скучаю по совхозу. Если буду жив, сразу к вам». Объездчик И. Г. Бегечев из Чехословакии посылает просьбу: «мою должность оставить за мной» [55].

Информация этих писем дает также представление об отношениях людей с местной властью. Фронтовики к концу войны уже чувствовали себя главными людьми в государстве и достаточно смело требовали особого отношения к себе и своим семьям. В одном из писем Гусеву бывший бухгалтер совхоза «Штурм», требуя возвратить реэвакуированную корову его матери, с некоторой угрозой пишет, что командир на фронте и «работник тыла [т. е. директор. – Т. Б.] не будем доводить дело до судебных органов». Политработник И. С. Уваров в конце длинного письма, где перечисляет обиды на грубое отношение руководства хозяйства к его семье излагает свою просьбу в форме приказа: «Прошу: 1) вернуть жене забранное сено. 2) оказать всемерную помощь в улучшении бытовых условий, что в Ваших силах. 3) о принятых мерах сообщить мне» [56]. Множество свидетельств о жизни тыла содержится в семейной переписке фронтовиков. К примеру, Г. И. Буняев постоянно интересуется, как «обеспечила себя на зиму» его жена Дарья, «есть ли квартиранты в нашей хате, и осталась ли полова в сарае, побила ли семечки на масло или продала» [57].

Разумеется, за пределами этой статьи осталось немало сюжетов, содержащихся во фронтовой переписке, которые помогают реконструировать многообразную историю Великой Отечественной войны. Однако обращаясь к такому уникальному историческому источнику, как письма времен войны, нам нельзя забывать два обстоятельства. Во-первых, необходимо активизировать собирательскую работу, придав ей систематический научный

характер. Во-вторых, при использовании их в историописании следует подходить к таким источникам комплексно, в сочетании с устной историей в виде устных сведений об авторах, с другими документами, касающимися сведений об адресатах и событиях, ими описанных, и т. п.

Примечания

1. См.: Говорят погибшие герои: предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941–1945). – М., 1979; Огненные строки. Письма с фронта и на фронт. – Ставрополь, 1985; Память сердца. Документы участников Великой Отечественной войны (1941–1945 годы). – Астрахань, 2000.
2. Поляков Ю. А. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. – 1994. – № 11; Сенявская Е. С. Духовный облик фронтового поколения: (Методологические и источниковедческие проблемы изучения). – М., 1992; Ее же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999.
3. См.: Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества. – М., 1997.
4. ГАСК. Ф. Р – 1060. Оп. 1. Д. 36. Л. 14.
5. Там же. Л. 36.
6. Там же. Л. 93.
7. Там же. Л. 47, 49, 51.
8. Там же. Д. 22. Л. 31. Док. № 231.
9. Там же. Л. 32. Док. № 233.
10. Там же. Д. 36. Л. 3.
11. Там же. Л. 5, 6.
12. Там же. Л. 96.
13. Там же. Д. 22. Л. 16. Док. № 217.
14. Там же. Л. 7 об. Док. № 209.
15. Там же. Л. 4, 5. Док. № 206, 207.
16. Там же. Л. 19 об. Док. № 219.
17. Там же. Л. 7. Док. № 209.
18. Там же. Л. 26. Док. № 226.
19. Там же. Л. 22. Док. № 222.
20. Там же. Л. 7. Док. № 209.
21. Там же. Л. 28, 24. Док. № 229, 224.
22. Там же. Л. 4. Док. № 207.
23. Там же. Л. 7, 16, 14. Док. № 209, 217, 215.
24. Там же. Л. 30. Док. № 230.
25. Там же. Л. 4. Док. № 206.
26. Там же. Л. 36.
27. Там же. Л. 41.
28. Там же. Д. 9. Л. 1.
29. Там же. Д. 18. Л. 3.
30. Там же. Д. 9. Л. 1.
31. Там же. Д. 36. Л. 19, 20.
32. Там же. Д. 15. Л. 19.
33. Там же. Д. 36. Л. 92, 107.
34. Там же. Л. 4.
35. Там же. Л. 40.
36. Там же. Л. 110.
37. Там же. Д. 15. Л. 17.
38. Там же. Д. 18. Л. 9.
39. Там же. Л. 12.
40. Там же. Д. 36. Л. 15.
41. Там же. Д. 18. Л. 26 об.
42. Там же. Д. 36. Л. 104.
43. Там же. Л. 143.
44. Там же. Л. 3, 4.
45. Там же. Д. 16. Л. 7.
46. Там же. Д. 142. Л. 15.
47. Там же. Д. 19. Л. 4.
48. Там же. Д. 18. Л. 13 об.
49. Там же. Д. 36. Л. 18.
50. Там же. Д. 9. Л. 1.
51. Там же. Д. 36. Л. 41.
52. Там же. Л. 103.
53. Там же. Д. 36.
54. Там же. Д. 15. Л. 19, 14. Док. № 241.
55. Там же. Д. 15. Л. 7 об.; Д. 16. Л. 1а, 8, 11. Док. № 238.
56. Там же. Д. 15. Л. 10; Д. 16. Л. 5. Док. № 239.
57. Там же. Д. 18. Л. 2 об.

